

КАК ВОЗНИКАЮТ СЮЖЕТЫ

В гостях у Леонида Леонова

Сад протягивает в окно дрожащие, тяжелые от глянцевиных плодов ветки. В комнате прохладно, пахнет яблоками. Она не похожа на кабинет писателя. На полках мало книг, гораздо больше слесарных инструментов. Транзисторный приемник и большой подшипник рядом с чернильницей — наверное, подарок. Сбоку, на журнальном столике, лежат огромная книга в старинном кожаном переплете и одно из последних изданий Оксфордского университета.

Человек, который сидит сейчас перед нами, написал в этой комнате немало страниц, ставших известными миллионам. Здесь создавался страстный полемический роман «Русский лес» и хрустально прозрачная, даже чуть-чуть холодноватая в своем изяществе повесть о горькой тоске по родине «Evgenia Jvanovna» (как не по-русски звучит здесь исконно русское слово «Ивановна!»). Леонид Максимович Леонов — большой советский писатель — превращает здесь в ровные строки глубокие свои размышления о мире, в котором мы живем.

Горькому принадлежат слова о том, что «Леонов — человек какой-то «своей песни», очень оригинальной...». В чем же она заключается, главная «мелодия» этой песни?

— Все мои книги посвящены различным этапам развития социалистического общества, — говорит писатель. — Это не случайно. В каждой новой работе меня прежде всего интересует общественное движение — чем живет страна, чем живет мой народ. Сюжет любого произведения — только инструмент, при помощи которого хочется высказать свое отношение к миру, показать, чем он дышит, что спрятано в глубине его.

Вспомните, например, «Русский лес». Разве это только книга о лесу? Я очень люблю природу. Лес — замечательный друг человека. Но внутри этой темы есть тема самая главная — человек и общество.

Формально я всегда руководствуюсь стремлением найти самую краткую формулу явления. Правда, это только начало художественного произведения.

Язык писателя, его философская концепция составляют своеобразные «этажи» творческого здания. Художник мерится количеством этих этажей.

Писатель — как певец. Есть певцы с так называемым «домашним голосом». Они поют лишь для ближайших друзей. Есть и такие, которые популярны в одном своем городе, и такие, чей талант при-

знан всем миром.

В литературе тоже существуют свои «домашние певцы». В конечном итоге важно — многим ли людям нужно то, что написано. Важны «окрестности» писателя, можно ли в них «бродить»...

Разговаривая с таким сложным и интересным художником, обязательно хочешь выяснить, как приходит к нему мысль о создании того или иного произведения. С легкой руки известного драматурга А. Штейна формулируем этот вопрос: «Как возникают сюжеты?»

— Пожалуй, — замечает Леонид Максимович, — действительно хорошо изучил, как при помощи «домашних средств» можно пробиться в «Бальзаки».

Он не улыбается, даже позволяет себе шутку. Улыбку не заметишь и в глазах, там только сдержанная, сосредоточенная энергия. Леонову за шестьдесят, но его невозможно представить пенсионером на бульваре. Седина говорит лишь о жизненном опыте, но не о старости. Полнота крепко сбитого тела не скрывает упругой силы мускулов. Он похож на мудрого, искусственного в своем деле мастерового...

— В памяти подсознательно откладываются те или иные наблюдения, — продолжает он разговор. — Многие творческие «мелодии» возникают давно и до поры до времени хранятся в тайниках памяти.

Я, особенно в последнее время, работаю медленно. В конце концов — каждый исписанный лист бумаги — уже испорченный лист, тогда как в чистом листе заложены еще безграничные потенциальные возможности.

«Evgenia Jvanovna» опубликована только в прошлом году. Но писать я начал ее почти три десятилетия назад.

В 1934 году я с друзьями — несколькими очень талантливыми грузинскими поэтами — зашел в тбилисский духан. На стенах его висели портреты Наполеона, Аристотеля и еще каких-то исторических личностей — все на одно лицо. А за соседним столом сидел странный человек в крагах, весь какой-то потерянный... Больше я этого человека не встречал, но, когда начал работу над повестью, память

Л. М. Леонов.

подсказала его. С воспоминания началась работа над образом Стратонова.

Полю Вихрову, вернее ее прототип, я встретил еще в первые годы коллективизации, когда многие крестьяне приходили в Москву.

Но, конечно, образы никогда не пишутся с натуры. Образ растет, как кристалл, и для созревания его структуры нужно время.

Разговор идет уже довольно долго. Глаз невольно ищет на столе страницы новых рукописей. Интересно, что сегодня делал Леонид Леонов? Ответ прост.

— Работал. Писатель работает каждый день, без выходных и праздничных дней, без отпуска и отгулов.

— Сейчас в издательстве «Московский рабочий» выходит мой роман «Вор». Готовлю его новую редакцию. Как раз перед встречей с вами написал важную вставку в книгу.

— Много уделяю внимания редакции своих драматических произведений. Вот, например, недавно вернулся из Будапешта, где присутствовал на репетициях и премьере своей пьесы «Метель». Она значительно переработана по сравнению с вариантом тридцатых годов.

— На мой взгляд, очень существенным изменениям пришлось подвергнуть знакомый читателям и зрителям текст «Нашествия». Герой пьесы Федор Таланов возвращается домой из заключения. Я задумал и написал этого человека как несправедливо репрессированного по политическим обвинениям в 1937 году. Но при первой постановке пьесы из-за хорошо известных мотивов мне пришлось сделать Федора уголовником. Замечаете, насколько было снижено идейное звучание образа? Если Федор был несправедливо осужден, тем более значим его подвиг. Сейчас я вновь вернулся к старой трактовке.

Все-таки в глубине души у нас возникает вопрос: «А так ли необходимо всю жизнь возвращаться к уже опубликованным произведениям? Может быть, из-за этого читатель лишился нескольких новых книг одного из своих любимых

писателей?», Словно услышав наши мысли, Леонов продолжает.

— Чернышевский, правда, считал, что не надо возвращаться вновь к тому, что уже напечатано. Но Вольтер мыслил иначе. Я согласен больше с Вольтером. Поймите, это не просто писательская блажь. Например, в самом первом варианте «Золотой кареты» Марька убежала из дома. Потом такое решение мне показалось неправдоподобным, я оставил Марьку в покое. И вот однажды на спектакле во МХАТе (кажется, шло сотое представление) вдруг ужаснулся. Что же это такое, два героя, умных, чистых человека, только и ищут минуты, чтобы отвести Марьку к слепому?

— Смотрите, — Леонов резко сжимает руку в кулак, — природа тысячелетиями работала вот над этой рукой. Каждый сустав, каждая жилочка на своем месте. У романа тоже есть свои сосуды и жилки. Вдруг замечаешь, что какой-то сосудик отнюдь не на своем месте, его надо перенести. Так и продолжаешь работу десятилетиями.

...Леонид Максимович провожает нас через террасу, сплошь заставленную его любимыми кактусами. Их здесь сотни — от огромных до самых маленьких.

А потом молча стоит у калитки и смотрит нам вслед. Оборачиваемся — взгляд встречается с его взглядом — зорким, как будто проникающим в глубину вещей. Что увидит еще писатель в кипении жизни? Что новое, доселе не изведенное откроет он людям?

Л. ЛЮБОВИНА,
Р. РОСТИСЛАВОВ.

ФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочный — Д 3-37-72; Партийной жизни — Д 3-37-21; Пропаганды — Д 3-36-09; Промыш. 5-00; Между народной жизни — Д 3-32-80; Литературы и искусства — Д 3-32-36; Прессы — Д 3-35-43; Информации — Д 3-32-24; Секретариата — Д 3-36-43; Писем — Д 3-39-08.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

25 СЕН 1964

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
МОСКВА